

Александр КАЗАНЦЕВ

ИСТИННЫЙ ХУДОЖНИК

новелла

*Главная черта истинного художника —
это неудовлетворенность собой.*

По Сократу

Философ, еще будучи скульптором, вопреки замыслу Фидия изваял на фронте Парфенона свои, иные скульптуры, восхитив первого ваятеля Греции, но сам остался недоволен.

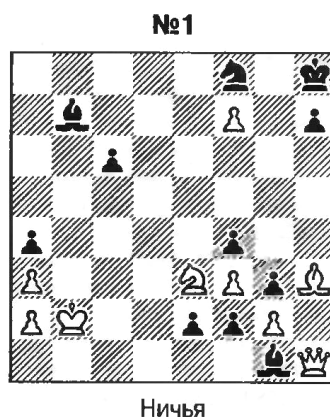
Художник считался великим мастером реставрации испорченных временем или другими причинами знаменитых картин. Его работой восторгались эксперты, оценивая восстановленные им полотна в баснословные суммы. Когда же он сам, с присущим ему мастерством, живописал самостоятельно, это не получало признания.

Его мечтой было доказать что истинная ценность творения искусства не в его древности.

Но был он художником еще в одной области — в шахматах, составляя удивительные этюды, дерзко уверяя, что в шахматах осуществимо все.

И еще в юности он увлекся вызовом одного маститого этюдиста, А.О.Гербстмана, создать такой этюд, где белые вынуждали пат, замуравив собственного ферзя.

Художник умудрился осуществить эту архитрудную идею, получив за свое творение пятый приз на международном конкурсе имени А.А.Троицкого, которому за этюдное творчество было присвоено высокое звание заслуженного деятеля искусств.

Он тепло отозвался об этюде молодого автора, опередившего в этом конкурсе многих известных композиторов, указав при этом и на достоинства, и на недостатки премированного произведения.

Вот как оценил его строгий судья и наставник в 1930-м году:

«...Та же тема, как и в следующем этюде (1-й почетный отзыв), но здесь замуровываются две фигуры (в том числе ферзь!) и одна связывается. Неприятна громоздкость позиции (особенно скопление шашек в правом нижнем углу), объясняемая, конечно, грандиозностью самой темы. Первый ход **1.Cf5 Ch2** не дурен, но он хорош только наполовину. Я хочу отметить, что цель хода двоякая: 1) при угрозе матом в два хода (Фh1-h4-f6) отвечать на 1... e1=Ф - 2. Фh4 Фе2+ 3. Сс2 Фb5+ 4. Сb3! и т.д., а на 1... f1=Q 2. Фh4 Фа1+ 3. Крxa1 e1=Ф+ 4. Крb2 Фd2+ 5. Крb1 теперь слон f5 предупреждает 5...Фd3+ 2) на **2. Фа1 e1=Ф** отвечать **3. Сb1**, чтобы угроза матом оставалась в силе. Вот если бы совсем отсутствовала первая цель хода Cf5, а ход мотивировался бы лишь необходимостью Сb1, то он был бы подготовительным исключительно к пату, но не к мату. Очень желательно, чтобы автор еще раз вернулся к этой теме и поискал более простую позицию. Последнее слово, по-видимому, еще не сказано».

Финал же этюда был таков: **3... Фе2+ 4. Кc2! 1/2-1/2**

Отеческое пожелание корифея шахматного этюда определило дальнейшее шахматное творчество нашего Художника.

Шли годы, множились спасенные и даже улучшенные им полотна великих мастеров. И все это время он возвращался к созданной им позиции на шестидесяти четырех клетках, готовый рассматривать ее как ждущее его кисти незавершенное полотно.

Выросло и его шахматное мастерство. Однажды он увидел в шахматном журнале свою позицию с механизмом замурования ферзя и слона при связанном коне, «улучшенную» известным этюдистом Александровым в «назидательных целях», чтобы поучить шахматную молодежь.

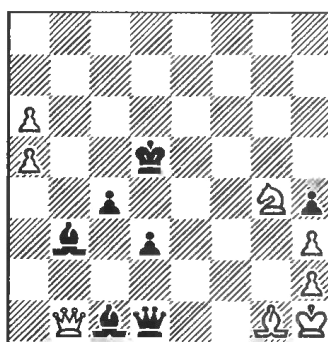
Художник в ярости стал анализировать «улучшение» и нашел опровержение. Ведь по строгим и непреложным правилам богини шахмат Каиссы только единственный путь в этюде мог вести к цели. «Назидательное улучшение» не получилось.

И тогда Художник решил выполнить пожелание А.А.Троицкого сам.

Подобно тому, как он в мастерской смело дописывал утраченную половину лица с глазами, отражающими внутреннюю сущность человека, портрет которого писал сам Рембрандт, наш Художник в манере великого фламандца должен был воплотиться в оригинал, выразив в глубине глаз его характер.

Так же и за шахматной доской этюдист обязан был проявить себя истинным художником. А он был им. И постарался найти новую позицию, как советовал А.А. Троицкий:

№2

Ничья?

Решение:

1. Kpg2 Kpc6 2. a7 Kpb7 3. a6+ Кра8 4. Фа1 Фd2+ 5. Cf2 Сb2 6. Фh1 Фd1 7. Сg1 Фd2+ 8. Kf2 1/2-1/2

Новая редакция этюда была отмечена в 1954 году четвертым призом на европейском международном конкурсе, и не одно десятилетие служила примером невероятных возможностей шахмат.

Среди шахматных композиторов бытовал злой афоризм: «Шахматный этюд это позиция, в которой авторский замысел пока не опровергнут».

Однажды известный журналист Евгений Гик, соавтор книг чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова, сообщил Художнику, что его удивительный этюд опровергается шахом коня: 1. Kpg2 Kрс6 2. Ке5+ Крс7 3. Кхс4 и т.д.

Художник был подавлен шахматным авторитетом и надолго оставил коварную позицию.

Занялся другими идеями, воплощение которых принесло ему завидную известность и звание международного мастера и даже золотую олимпийскую медаль. В печати Карпов и другие гроссмейстеры хвалили его.

Живопись, где он добился признания не только как реаниматор, отнимала все время и силы стареющего мастера, которого уже начали называть патриархом.

И в день его юбилея сын подарил ему компьютер с шахматной программой, предлагавшей электронного партнера, играющего в стиле на выбор: Капабланки, Ласкера, Таля, Морфи, Нимцовича, Камикадзе или Новичка (для легкой победы над ним).

Художник воочию видел в жизни и Капабланку, и Ласкера, по памяти написав их портреты и подарив их одному из Дворцов пионеров, воспитывавших будущих чемпионов.

С Михаилом, с Мишей Талем он был лично знаком, восхищаясь его гениальным комбинационным даром. Они вместе были на шахматном конгрессе в Портороже (Югославия). Там Художник видел легендарного, тогда еще пятнадцатилетнего Бобби Фишера, искренне сочувствуя ему, когда тот плакал после проигрыша партии.

А вот с Мишей Талем они летели вместе из Белграда в Москву. И Таль, супергроссмейстер, предложил «парадоксмейстеру», как он, с присущим ему остроумием журналиста назвал Художника-этюдиста, составить совместный шахматный этюд с пришедшей ему в голову красивейшей головоломной комбинацией.

Всю дорогу трудились гроссмейстер с этюдистом и ничего не добились. Этюда не получилось. Но портрет загорающегося вдохновением Таля Художник написал и подарил его Мише, когда тот

стал чемпионом мира. И теперь престарелый Художник, увидев в компьютерной программе имя Таля, словно встретился с ним, живым.

И вспомнился ему давний парадоксальный этюд, опровергнутый шахом коня, забравшего пешку с4.

Художник обратился к электронному Талю чтобы компьютер в его стиле проверил зловредность пресловутого шаха белым конем, из-за которого отпадала надобность в замысловатом пате.

И, оказывается, ничего этот прыткий конь добиться не мог! А просто погибал:

**1. Kpg2 Kpc6 2. Ke5+ Kpc7 3. Kxc4 Fe2+ 4. Cf2 Fe4+ 5. Kpg1
Фxc4 ***

Художник вздохнул облегченно. «Поистине гениальность в простоте! А сам-то я куда смотрел!» — упрекнул он себя.

В ту пору пригласили Художника на реставрацию внутренней росписи восстановленного по старым чертежам и фотографиям храма Христа Спасителя. Если по ним можно было воссоздать величественное здание собора, то «реставрировать» внутреннюю роспись храма по изображениям былой живописи прославленных мастеров XIX века было равносильно созданию новых произведений на заданную тему, и вдобавок в стиле прежнего автора.

Художнику выдалось на время стать Врубелем и выполнить заново погубленную негодьями работу.

Днем он трудился на возведенных внутри храма лесах, а вечером садился к компьютеру.

Мало оказалось Художнику уничтожения электронным Талем досадного опровержения, вздумалось ему проверить, казалось, надежную, как скала, суть этюда — механизм замурования. И еще не нравилось Художнику, что белый ферзь уже посажен автором в клетку, из которой силится вырваться. Мысленно он слышал строгий, но благожелательный голос заслуженного деятеля искусств, корифея шахматного этюда А.А.Троицкого. «Все в высокохудожественном этюде долженствует занять свои места в процессе борьбы».

Каждый раз, извиняясь перед Мишей, словно они вновь, как в самолете, составляли совместное произведение, Художник заставлял компьютер брать ход обратно, если выбранный им путь проверки ничего не обещал.

Так было и на этот раз, когда компьютер сыграл не 7... $\text{Fe}2+$, а сделал нелепый, казалось, ход 7... $\text{Fe}1$

Художник занес руку, чтобы дать обратный ход, но подумал: «А как белым ответить? Очевидно, 8. $\text{Kpf}3$, грозя 9. $\text{Kpf}4+$ ». Однако у черных нашлась защита, которую молниеносно показал электронный Таль: 8... $\text{Cc}1$ 9. $\text{Kf}2$ грозя 10. $\text{Kpg}4\text{X}$. И опять компьютер находит: 9... $\text{Cd}1+$, и белому королю остается вернуться на место — 10. $\text{Kpg}2$, а белый конь не связан! Черным достаточно сходить $\text{с}3!$, вынуждая белых, попавших в цугцванг, пойти конем и получить 11... $\text{Fe}4+$.

Было от чего прийти в отчаяние! Оказывается, этюд, 43 года удивлявший шахматистов, божественным судом Каиссы признан в основе дефектным и несуществующим.

С этим Художник примириться не мог. Пусть на создание парадоксального положения уйдут годы исканий, но этюд должен возродиться из пепла.

По времени это совпало с сенсационным проигрышем чемпионом мира Гарри Каспаровым матча-реванша компьютеру высшего класса.

Художник так объяснил себе этот проигрыш человека искусственному интеллекту: «У машины есть неоспоримое преимущество — отсутствие нервов».

Великий Стейниц после проигрыша потерял рассудок и ходил по улице ходом коня, Чигорин накануне смерти сжег шахматы, как Гоголь свои «Мертвые души».

Художник обладал крепким характером. У него на столе под стеклом лежала репродукция врубелевского «Демона».

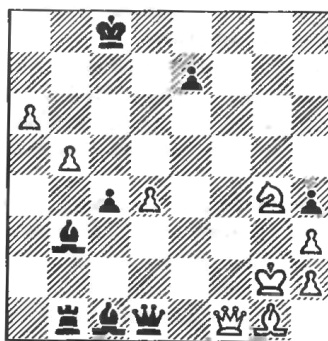
Для него Врубель был воплощением не только горького отчаяния, но и неизбывной силы. Мысленно воплотившись в него на лесах храма, Художник, казалось, брался за невозможное, но совершал его

Лермонтовский Демон — романтическая фигура сверхчеловеческих страстей — кощунственно помогал ему творить богоугодное.

В этом противоречии и крылась творческая тайна, которой овладел Художник. Он использовал ее и в живописи, и в шахматах, но не для механического исправления этюда, а для поднятия его на новую высоту. «Опровержение электронного Таля включить в ложный след. Белый ферзь должен попасть в клетку, а не находиться уже в ней».

И она родилась, эта трансцендентная позиция, родилась в муках, в горечи разочарований, в вихре воображения, в неукротимом упорстве искателя парадоксальной красоты. И тайна творчества, посвященного богине Каиссе, крылась в слиянии дьявольской настойчивости с ангельским терпением. Вот он, суперпарадокс, как сказал бы Миша Таль:

№3

Ничья?

Решение теперь таково:

1. Фf5+ Kpb8 2. Фxb1 d3! — дверца захлопнулась. В этой первой части шахматной симфонии черные заманили-таки белого ферзя жирной приманкой в ловушку. Пусть попробует из нее вырваться! Во второй части ферзь пытается это сделать: **3. Фa1**, но черные на страже — **3... Фе2+ 4. Cf2 Cb2!**, не давая белому ферзю захватить большую черную диагональ, черные незаметно открыли ему первую горизонталь, и белый ферзь устремляется по ней в противоположный угол — **5. Фh1**, где из засады будет грозить черному королю шахом с последующим матом. Приходится черным заботиться о своем короле, предлагая выигрышный для себя размен: **5... Фd1**, но белые уклоняются — **6. Cg1**, сохраняя угрозу шаха со скорым матом. Начинается третья часть

симфонии, когда черным надо защищать собственного короля, невольно затягивая патовую пружину, готовую развернуться с сокращающейся силой. Приходится идти **6... Фe2+**. Выясняется, что электронно-талевский ход **6... Фe1?** стал невозможен ввиду **7. Ca7+ Kрxa7 8. Фхе1** Конь завершает патовое построение **7. Kf2 d2 8. a7+ Kрc7 9. a8=Ф d1=Ф 10. Фc6+ Kрd8 11. Фc8+ Kрxc8**, и всей группе белых фигур — пат!

Но доволен ли сам автор? Не вспоминает ли он слова Сократа, каким должно быть истинному художнику? Не звучит ли давнее напутствие, ведь ферзь теперь не только заставил черного короля встать на прицельное для белого слона черное поле, но и сам нацелился на беззащитную черную ладью!

Да! Программа-максимум не выполнена, хотя этюд и претендует на вторую жизнь

Он смотрел на свое творение и мысленно приговаривал: «Эх! Еще бы немножко, еще чуть-чуть поискать позицию, о которой писал Троицкий!» С реставрацией утраченной росписи Врубеля было сложнее. Один Художник не разделял общее одобрение и даже восторг, в глубине души уверенный, что Врубель сделал бы лучше. А этюд! Пусть живет долго, лишь бы не сказался на нем злой афоризм... Пусть пробуждает в людях веру в невозможное, хотя бы на шахматной доске.

Но, чтобы иметь полную уверенность, надо во всем убедиться! И пришло в голову Художнику проверить не только этюд, но и сам компьютер! Разве тот не способен ошибаться? Когда ему предлагалось разыгрывать вариант самому с собой, то, наблюдая за экраном, этюдист видел выбор нелучших ходов. Машина боролась сама с собой в одном заданном стиле. А что, если противопоставить друг другу разные электронные стили? Вспомнить, скажем, того же Ласкера, который 27 лет удерживал титул чемпиона мира

Эмануил Ласкер перебрался тогда из гитлеровской Германии в СССР. Маленький старичок с ястребиным носом, каким он запомнился Художнику, не вынимал изо рта дымящейся сигары, игравшей немалую роль в его спортивной стратегии с окуриванием противников. Игра

профессора математики и философии поражала глубокомысленной простотой. Именно таким был невзрачный ход пешкой c4, включающий в игру слона b3 и разрушающий все построения белых.

Жгучее негодование на самого себя охватило Художника. Всплыли перед мысленным взором Чигорин и Гоголь, сжигающие когда-то для них бесценное. И уже не владея собой, Художник скомкал диаграмму с последней злополучной редакцией этюда и за отсутствием камина пошел на кухню, разжег газовую горелку и спалил смятую бумажку. Потом вернулся в мастерскую стереть в памяти компьютера все, что относилось к злополучной редакции этюда. Стал вызывать файл (место в компьютере с неудачным этюдом), но проклятая машина выставила вежливую надпись, что не может выполнить его желания, так как интересующий его файл занят другим пользователем. А объяснить бесчувственному аппарату, что этот другой пользователь он и есть, Художник не умел. Тут вошла внучка Катя, специалистка по вычислительным машинам, помогавшая деду освоить новую чудотехнику. Художнику стало стыдно перед ней, и он объяснил, что хочет проверить бывшее опровержение сути этюда, переключив компьютер на иной стиль.

Внучка обрадовалась, что может помочь, и предложила перейти на стиль Морфи.

— Так он же бросил играть в шахматы, — возразил было дед.

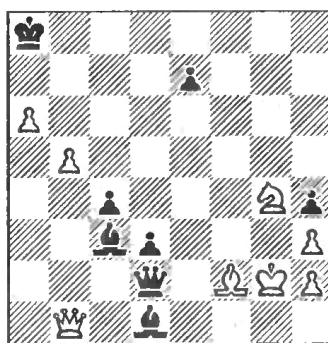
— Бросил в угоду невежам, но его блистательный стиль остался. Так пусть наш компьютер в его стиле ответит на твой вопрос!

Художник не умел спорить с любимой внучкой и покорно расставил на экране положение, когда на седьмом ходу черный ферзь не шаховал короля, заставляя его закрыться конем, а лишь отнимал поле f1, препятствуя вскрытому шаху: 7... Фе1 8. Кpf3 Сс1. А теперь вместо 9.Kf2 с опровергающим этюд 9...Cd1+ белые в поражающем неожиданностями стиле Морфи сыграли на компьютерном экране 9. Ке3! , предоставляя белому королю сразу два поля для отхода с губительным для черных шахом ферзя из засады.

«Однако, — покачал головой Художник, — оказывается, шахматная слепота и замороженность авторским замыслом присущи не только людям». И вместо стирания компьютерных размышлений он стал проверять былую редакцию этюда, спасенную стилем Морфи, и тут же наткнулся на неожиданность! Вместо привычного хода белым слоном на g1 во избежание размена ферзей в пользу черных компьютер закрывается слоном на e1 — 7.Ce1!, и авторского решения этюда нет! Это новое препятствие было иницилирующим залпом для творческого взрыва Художника. Предотвратить «ход Морфи» можно лишь при черном слоне на c3, и опасно свободная линия для белого ферзя — вертикаль b1-b8. Закрывать ее надо слоном — 4...Cb3! Но во имя чего? Во избежание продвижения белых пешек с превращением их в ферзей.

И образ преображенного уже правильного этюда вырос сам собой из этих мгновенных рассуждений. Оформить его в виде возможно более экономной позиции было уже делом техники, которой Художник владел в полной мере.

№4

Ничья

Этюд стоит того, чтобы привести его полное решение, предоставив слово самому Художнику. Взъерошив свою седую бороду, он начал, передвигая фигуры:

1. b6 (грозя провести сразу двух ферзей 2.b7+ Krb8 3.a7+ и т.д.)
1... Cb3 1... Cb2 2. Фа2, и черным от пешек не спастись! **2. Фh1 Фd1**, стремясь к выигрышному для черных размену **3. Cg1** (Если, например: 3. Фxd1? Cxd1 4. Cxh4 Cxg4 5. Cxe7 Cxh3+ 6. Kpxh3 Ce5 7. Cg5 c3 с выигрышем черных) **3... Фе2+** (3... Фd2+? 4. Kpf3 Cc2 5. Ke3 с тем же неизбежным матом черным) **4. Kf2**, запатовывая группу белых фигур. Но как их распатовать — Вот в чем вопрос! При 5. Фе1 6.Kpf3, и два поля

свободны для белого короля с включением матующего ферзя. И f4, и g4 никак одновременно не отнять. Отход же черного ферзя по вертикали «е» на любое поле позволит белому королю сходить на f1 с тем же выигрышным результатом. И черным не разжать патовые тиски. Однако белым еще есть чем ходить. И после, скажем, **4... d2 5. b7+ Kpb8 6. a7+ Kpxb7 7. a8=Ф+ Kpb6 (c7) 8. Фc6+ Кра5 (a7,b8,d8) 9. Фb5+ (b7, d7+) 9... Kpxb5** - пат! При отсутствии аппетита у черного короля (6... Kpc7) он быстро погибнет от двух ферзей. Так уж лучше забрать этих бешеных ферзей, завершающих финал, и согласиться на диковинный пат!

— И все-таки — заключил Художник, — хоть и получился этюд, но позиция тяжеловата. Не знаю, что сказал бы о ней Троицкий? Эх, еще бы лет сто над ней потрудиться! — и он загадочно улыбнулся.